

Я НЕ ЧИТАЮ все это — слышу: «Бунин мне как-то казал... Знаю от Маяковского... Когда мы приехали к Горькому в Сорренто...» Мой собеседник — выдающийся советский писатель, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР Валентин Петрович Катаев. Член-корреспондент академии Гонкуров.

Катаев принял меня на своей даче в подмосковном поселке Передельно, где живет вот уже сорок лет.

Теперь гости в доме редки: Валентин Петрович почти не отрывается на разговоры. В свои 86 лет он продолжает заниматься литературной работой, начало которой было положено в 1910 году — тогда он написал и напечатал первое стихотворение.

Мы поднялись на второй этаж в рабочий кабинет писателя. Катаев шел впереди, на ходу разговаривая. В кабинете — ничего лишнего. Книги и письменный стол. На столе — фотография — мама с подругой. Обемим по шестнадцать лет. Единственная сохранившаяся фотография матери. Под материнским взглядом создавались в этом кабинете «Сын полка», «Святой колодец», «Трава забвенья» и другие книги, написанные той изумительной прозой, благодаря которой «описанием цветка можно наслаждаться не меньше, чем самим цветком».

С появлением «Святого колодца» все заговорили о новом Катаеве. В ваших прежних книгах был обычно сюжет, а то и авантурная интрига. Теперь сюжет, если понимать его традиционно, исчез, вы поломали всякую хронологию течения событий. День, можно сказать, начинается с вечерних сумерек, а заканчивается ранней зарей.

Пожалуй, лишь тем, кто не очень внимательно следил за моей работой, показалось, что на каком-то этапе я резко изменил свой почерк. Кое-что, несомненно, изменил, но экспериментировать мне нравилось и раньше. В повести «Белеет парус одинокий» я попытался скрестить Пинкертон с Буниным, то есть примирить живописное бунинское начало с захватывающими приключениями. Роман «Время, вперед!» я монтировал по законам кинематографа — тот же свободный монтаж, что и в «Святом колодеце», в последующих книгах. Но, кажется, в работах последних десятилетий мне в большей степени удавалось завоевывать читателей приключениями в сфере духовной.

Признаться, я испытал облегчение, перестав заботиться о железной конструкции романа. При этом воспользовался советом Льва Толстого, который содержится в его записных книжках, о том, что хорошо бы писать «как вспоминается», то есть не в хронологической, а в ассоциативной последовательности. В самом деле, вы же не обязательно вспоминаете во временной последовательности — сначала то, что было пять лет назад, потом — четыре года... Время смешено в каждом человеке. Хронология необходима для науки, для истории. Для искусства же она подчас нечто чужеродное. Видимо, найденная форма больше подходит для меня, больше отвечает ритму моего сознания, моего дыхания.

А не было ли риска, экспериментируя подобным образом, значительно усложняя прозу, потерять массового читателя?

Но надо иметь в виду, что само понятие «массовый читатель» существенно изменилось. Среди тех, кто с увлечением берет сегодня за книги, очень много людей по-настоящему образованных, хорошо подготовленных эстетически. Но это одна сторона дела. Другая, более, пожалуй, важная, в том, что я не уходил от читателя, а как раз шел ему навстречу. Писатель, в сущности, редко выдумывает что-то от себя, в том числе и в области формы. Гораздо чаще так называемые находки подсказывают ему жизнь, опыт предшественников.

Значит, опыт русских писателей и научил вас новаторству? Уйти от шаблона — не с этого ли начинается подлинное творчество в любом деле?

Все большие русские писатели писали по-новому. Они не похожи друг на друга. Ломоносов писал по-другому по отношению к своим предшественникам, Державин — по отношению к Ломоносову, Пушкин — по отношению к Державину. А Гоголь? Он во всем новатор. По фразе, по лексике, по теме. Я его читаю и перечитываю. Все его письма, примечания.

Но вы называете великие имена. Наверное, потому, что среди эпигонов, любителей проторенных путей, да и просто среди писателей среднего дарования таких имен не найти. Если бы крупнейшие писатели не были новаторами, они бы, вопервых, не были бы звездами первой величины, а, во-вторых, был бы немислим, наверное, прогресс в литературе.

Не знаю, был ли возможен прогресс в противном случае, но это в традициях литературы, так вообще устроено человеческое существование. Это заметно и в землешестве, и в ме-

таллургии. Форма меняется непрерывно. Меняются жизнь, люди, которые живут, их сознание, представления, вкусы. Писатель застаёт жизнь, современную ему, и он не вправе не считаться с ее ритмами, с убеждениями и пристрастиями своих современников.

Мы же не можем ориентироваться в своей работе на читателя прошлых веков, даже на читателя начала нашего века... Когда я переехал из Одессы в Москву в 22-м году, все было другое вокруг. И в этих переменах, к слову, тоже проявилось новаторство тех, кто к ним причастен. Жизнь всем диктует: мне — как писать, металлургу — как варить сталь, авиатору — как и на чем летать. Никто ведь не летает сегодня на тех аэропланах, какие были на заре века.

Но жизнь диктует, наверное, всем, далеко не все, однако,

все же существовать и духовная диета?

Иные чуть ли не каждый вечер ходят в театр, кино. Ну и пусть себе ходят. Хуже, во всяком случае, не будет. Даже если не все фильмы, которые они смотрят, хорошие. Исподволь воспитывается вкус. Гоголь говорил, что и плохое учит понимать что-то хорошее. И плохие вещи в этом смысле полезны. Для писателя — чтобы знать, как не надо писать.

Но, наверное, помимо плохой литературы, в этом могли бы помочь молодым и хорошие писатели. Я знаю, вы вывели в жизнь многих молодых литераторов, особенно когда редактировали «Юность».

Я и тогда не читал молодых лекций, не говорил им, как надо писать. Получал талантливые вещи и печатал. Вот и вся помощь.

Случайно ли, что имена

● Точка зрения

Валентин КАТАЕВ:

ПРЯМО СМОТРЕТЬ В ЛИЦО ЖИЗНИ

в состоянии услышать ее голос, тем более исполнить ее волю.

Видно, это зависит от особенностей людей. Нет же людей одинаковых, каждый устроен по-своему. Отпечатки пальцев у всех разные...

И «отпечатки душ»?

Нет одинаковых людей. Некоторые более способны, некоторые — менее. В природе все разное. Ракушки в море разные, песчинки в куче песка — все до одной разные. Это особенность бытия. И то, что мы называем шаблоном, противопоставлено самой природе, самой жизни. Наверное, отсюда надо исходить. Надо делать свое дело по-своему, считаясь с собой, со своими особенностями. А для этого надо смотреть на жизнь своими глазами, избегать чрезмерного влияния, раздражительности. В момент обращения к «Святому колодецу» у меня было сильное желание отстраниться от стереотипов и символов, от привычных тем и шаблонных конфликтов. Не подражать никому, в том числе и себе самому, преждему.

Я люблю перечитывать труды Ленина и Маркса, и что меня всегда восхищало в классиках марксизма — это их честность по отношению к жизни. Они прямо смотрят ей в лицо, не превращая ее в мертвый символ. Это и есть творческий подход к жизни, ему-то и обязаны следовать литераторы. Важно научиться смотреть на жизнь честно, свободными глазами.

В сущности, вы призываете к тому, чтобы беречь человеческую индивидуальность в каждом деле.

Надо беречь. Возьмите актеров. Они от природы такие разные, от гениальных до средних. Но каждый только тогда может на что-то рассчитывать, когда говорит своим голосом. Многие, к сожалению, больше хотят нравиться публике — подделываются под вкусы.

А вам лично хотелось когда-нибудь нравиться публике?

Иногда хотелось. Особенно в ранней молодости. Я писал тогда стишки, похожие на те, которые появлялись в то время в журналах. Брал за эталон напечатанное. Пользовался чужой формой. А писатель должен все описывать так, как сам это видит и чувствует. Ничто не должно заслонять от него первоизданности жизни.

Но, вероятно, с годами человеку все труднее смотреть на жизнь ничем не замутненным взором. Все мы с возрастом попадаем под влияние своего собственного жизненного опыта. Тем удивительнее, пожалуй, то, что удалось вам в последние десятилетия. Помнится, в одной из своих статей, много лет назад, вы размышляли о возможности обновления прозы и обращались прежде всего к молодым литераторам, дескать, вам самому брать за это уже поздно. Но потом последовал взрыв.

Я, признаться, собирался прожить лет до пятидесяти. Так и строил свои жизненные и литературные планы. А вышло — дольше. Появилось какое-то новое ощущение жизни, надо было перестраиваться... Нет, жизненный опыт и образованность — только на пользу. Надо много читать, больше видеть.

Но при обильном потреблении духовной пищи она плохо усваивается. Вероятно, должна

многих, кого вы впервые заметили, теперь хорошо известны?

А многих — и неизвестны. Я их напечатал, а они не пошли дальше, из них ничего не вышло. Тут нельзя ничего привести к какой-то математической формуле. Надо знать, для чего человек берется за перо. Ради славы? Для заработка? А может, чтобы выразить себя? Это самое похвальное, да и самое трудное. Хотя бы потому, что именно такому человеку оказать существенную помощь очень сложно. Кто же знает «со стороны» — выражает он себя или нет? Мне повезло — встретился Бунин. Он стал контрольным органом моего художественного сознания. Но если бы я не познакомился с Буниным, он все равно каким-то образом учил бы меня. Личное знакомство лишь усилило его воздействие. И все же главное — его вещи, которые я читал.

Где вы брали материал для своих книг? Как познавали жизнь?

Человек живет — и это главная форма связи с жизнью. Его дыхание, слух, зрение — все органы чувств создают материал для восприятия мира.

Где и как вы находили героев?

У меня нет героев, то есть герой всегда один — это я сам.

Но в ваших книгах множество персонажей. И хотя в каждом, наверное, есть что-то от автора, его чувств, мироощущения, его личности, неужели о всех своих героях вы можете сказать, как Флорбер о мадам Бовари: «Мадам Бовари» — это я.

И Толстой сказал: «Наташа Ростова — это я». В сущности мадам Бовари — псевдоним Флорбера. Наташа Ростова — Толстого. Когда-то очень давно мы с Юрием Карловичем Олешей поняли, что писать надо только о себе, только это — невыдуманное. «Белеет парус одинокий» — это тоже в основном я, хотя там есть и выдуманные персонажи. А может, «я» — это когда я пишу, а когда уже написано, сброшюровано, тиражировано, — может, тогда это уже не я? Для читателя, наверное, это уже «герой».

Пишете о себе? Но ваши произведения полны жизни отнюдь не камерной — там революции, войны, там судьбы людей на изломе всемирной истории.

Я прожил большую жизнь. Она была не монастырской — общечеловеческой. Я — гражданин своего государства. В моей личности отразились многие события, определившие судьбы двадцатого века. Мое детство пришлось на годы первой русской революции, я много ездил, был на строительстве Днепротреста, Магнитки, был корреспондентом на фронте в Великую Отечественную. Жизнь, которую я видел, превращается во мне не просто в воспоминания. Все то, что я видел и вижу, сейчас же делается мною или я делаю ее им, не говоря уж о том, что сам я как таковой непрерывно изменяюсь, насылая окружающую меня среду огромным количеством своих отражений.

Вы однажды написали: «Говорят, волшебная проза. Но материалистическое изображение окружающего нас мира и

есть настоящее волшебство». Стало быть, тот, кому удастся увидеть мир без искажений, без прикрас, и есть литературный волшебник?

Увидеть и донести до читателя... Задача литературы — воплотить, развивать вкусы, смягчать нравы. Перед ней в этом смысле — безграничное поле деятельности.

У меня был как-то разговор с Альбером Камю. Мы сидели в Париже, в гостинице. Он обвинял нас в архаичности вкусов — читаете, мол, одно и то же из века в век, из поколения в поколение, признается только старомодная литература, а новаторская не признается. Тогда я обратил его внимание на книжный киоск рядом с гостиницей — он был набит всевозможными бульварными изданиями, детективами. Вот, говорю, ваша новомодная литература, ваши тиражи, ваше пристрастие. Вот что у вас делается. Камю покраснел.

За рубежом русских писателей немало издают, но нередко понимают поверхностно. Достоевского — как писателя остро сюжетного жанра, Бунина больше всего знают в США как автора «Господина из Сан-Франциско» — потому что в названии упомянут американский город.

Прекрасное же всегда прекрасно. И то, что у нас издают огромными тиражами литературных классиков — и наших, и зарубежных, очень хорошо. Но важно не только тиражи книг, важно знать, как все это читается.

Вокруг ваших книг много разговоров, споров — у критиков и читателей, вас осуждали за непочтительное изображение друзей молодости.

Я писал чистую правду.

Ваш принцип: ни дня без строчки?

Когда работаю над определенной вещью — да. Потом следует перерыв. Работаю всегда утром. Иногда, когда пишется, и ночью встаю.

Жан Поль Сартр говорил, что талант — это когда пишешь под диктовку. Изнутри кто-то подсказывает, успевай только записывать... Наверное, в те часы, когда «вам пишется», домашние осторожно передвигаются по дому, не шумят, не разговаривают?

Если мне работает, то никто не может мне помешать. Даже если по кабинету бегают дети, кричат, играют, двигают стулья.

У вас бывает много черновиков или что-то удается написать сразу набело?

Перепишью и переделаю себя. Раза по три как минимум. Правда, «Белеет парус» написал довольно быстро. Выступал на машинке одним пальцем за четыре месяца — без всяких черновиков. У меня впервые появилась пишущая машинка. Пробовал.

С тех пор пользуетесь машинкой?

Нет, пишу только от руки. Бунин говорил, что писать надо только от руки. На машинке все строчки одинаковы. А от руки — разные. Пишется то медленнее, то быстрее, буквы получаются то выше, то ниже. Это не просто почерк. Это идет от физиологического действия творчества. Организм как бы подает сигналы, где надо остановиться, где следовать без остановок.

Кто был самым близким вашим другом?

Олеша.

А кого вы называете другом?

Друг — с кем приятно поговорить обо всем. Он тебя понимает, ты — его. Кого уважаешь как мастера. Олеша был великим писателем. У него, у Бунина, у Маяковского я учился относиться к литературе, как к святому делу. Литературная деятельность — это всегда общественная деятельность. Не представляю себе писателя, который занимается общественной деятельностью, но не пишет. Писать — самое главное. Литература — воспитатель. От того, как исполнит свое предназначение, зависит многое в людях, зависит, каким будет человек завтрашнего дня. Внушать людям, человечеству добро, доверие к разуму, друг к другу. Это так важно, тем более сейчас, когда мир делается ужасным, когда война висит над нами... Сделать все, чтобы не оправдалось мрачное пророчество поэта о грозящей всему человечеству роде «тоске небытия», чтобы всегда люди смеялись, думали, надеялись...

Разговор закончен. Подчас неожиданны высказывания Валентина Петровича Катаева. В них проявляется то немалое своеобразие, которое отличает и творчество писателя. Иные положения, быть может, разделит не все наши читатели. Но такая точка зрения крупного, талантливого писателя, и она несомненно представляет интерес.

Вел беседу
А. ПЛУТНИК.